

Спектакль окончен. Зрителей просят не расходиться. Театр имени Станиславского — хочет с ними посоветоваться, обсудить свою работу.

Остро, откровенно говорят зрители о достоинствах и недостатках новых постановок театра.

— Почему спектакль «Ученик дьявола» поставлен как комедия, гротеск?

— Не кажется ли театру, что драматургия В. Шоу острее по своей идейной направленности, глубже по характерам и чувствам героев?

— Отчего в этом спектакле вдруг потускнело, стало напряженным, угловатым искусство хорошо зна-

комых, любимых артистов?

Отрадно, что на афише Московского театра им. Станиславского появилось «Ученик дьявола» В. Шоу — произведение умное и смелое, где разная ирония сочетается с утверждением благородства, романтики подвига. Можно по-разному истолковывать авторское определение жанра «мелодрама». Главное не в названии, а в сущности пьесы: ее бунтарском пафосе, героической теме, страстном про-

тесте против обветшалых общественных устоев.

А именно этого нет в спектакле. Нет героики, романтики, пламенности чувств. Ричард в исполнении Б. Левинсона — только шутник, забияка, неугомонный весельчак, но отнюдь не герой, не человек мужественной и чистой души. В кругу родственников, слушаая заведение отца, он весь во власти единственного желания — выкинуть что-нибудь посмешища, поке-обычий: выкрикивает дерзости, вскакивает на стол. Затем, придя в дом пастора, Ричард разыгрывает почти шутовскую сцену — с гусиным пером в волосах, подтанцовывая к громкой подносом, пытается запугать и без того напуганную перепуганную Джюдит. И это не случайность, не обмолвка в спектакле, а определенный замысел режиссера Р. Иоффе, который все видит в плане комедийно-гротесковом. Маршируют на сцене солдатики с бравадой песенкой, веселятся и поют даже пастор Андерсен и Джюдит. На суде и во время казни Ричард ведет себя так, как будто ему доставляет бесконечное удовольствие ощущать на шее шнур, готовую затянуть.

Да, далеко, очень далеко ушел театр от идеи пьесы! Им спектакль совсем исчезли лирические интона-

ции, зарождение любви Джюдит (артистка Н. Кринская) к Ричарду, ее внутренняя драма. Лишь одна Эсси — Л. Боровикова пылко и трогательно доносит навязанную восторженность первого чувства своей героини.

То, как театр подошел к сценическому истолкованию «Ученика дьявола», заставляет предположить, что коллектив тоскует по смеху. И, очевидно, не случайно в его репертуаре оказался сатирический водевиль «Сплошные неприятности».

Обычно предупреждают: водевиль — это жанр легкий, к нему надо подходить с особыми требованиями, здесь могут происходить самые невероятные события, путаницы и т. д. Но трудно оправдать ссылки на жанр ту неправду, фальшь характеров, положений, слов, которые все время возникают на сцене.

Почему же, право, героями водевиля должны быть обязательно непреходящие глупцы? У Балнова и Костюковского они даже подразделяются на ампула. Директор швейной фабрики Королев — глупец, но, так сказать, положительный. У него неприятности начались из-за желания славы: фабрика изготовила модель настоящего и дешевого платья. Королева поздравляют, но Платьев нет, и ему приходится скрываться от иззой-

ливых покупателей. Вольше недели продолжается эта кутерьма, пока, наконец, волею авторов Королев не попадает в собачью конуру, где, полая немного (как полагается в водевиле, под музыку), постигает истину: если готова модель, фабрика должна начать шить платья.

Его заместитель Кленов — глупец отрицательный. Он бросил жену с ребенком, бегает от тещи, обольщает дочку директора. Некий Тузиков просто глупец. Если судить по поступкам других персонажей, они также недалеко ушли от основных героев.

Надуманность, искусственность интриги не скрашиваются остроумием диалогов. В водевиле говорят так: я без вас, «как чайник без чая, как Гамлет без монолога»; «две женщины —

это три скандала», «ревизоров не угощают мороженым, а поят водкой».

Может быть, недостатки произведения преодолеваются в спектакле искрометным, заразительным актерским исполнением? Нет я этого. Актеры оказались явно растерянными перед необходимостью петь, танцевать, вести стремительный комедийный разговор. Не порадовали нас на этот раз режиссура А. Тутышкина, музыка Н. Богословского.

Два спектакля Театра им. Станиславского вызывают много раздумий. Вряд ли их можно считать творческими достижениями коллектива. Поэтому-то и звучат почти тревоги и неудовлетворенности в выступлениях зрителей. То, что любил, строже судишь, стараешься предостеречь от промахов и ошибок. А коллектив Театра им. Станиславского пользуется у москвичей дилет и искренней любовью.

Н. ПУТИНЦЕВ.

«ОбеТелевизионные программы», Москва, 13. VII. 1957.